

Нилогов А.С., Соломоник А.Б.

Философия семиотических систем: от теории «общей семиотики» до философии языка/антиязыка (беседа А.С.Нилогова с А.Б.Соломоником)

Аннотация: Беседа с А. Б. Соломоником записана в рамках издательского проекта "Кто сегодня делает философию в России" и посвящена философским аспектам семиотики, расширяющим лингвистический поворот в гуманитарных науках. Абрам Бенцианович Соломоник (род. 1927) – доктор педагогических наук, специалист в области преподавания иностранных языков, лексикограф, философ и создатель оригинальной «общей семиотики» (теории знаков, знаковых систем и семиотической реальности). В 1974 году уехал с семьёй в Израиль, где преподавал иврит репатриантам из разных стран. После 18 лет работы в Министерстве образования Израиля вышел на пенсию и занялся вопросами семиотики. Напечатал более десятка монографий и множество статей на русском и английском языках, посвящённых семиотической проблематике. Живёт в Иерусалиме. Профессор *honoris causa* и член Российской Академии Информатики (Москва). На русском языке изданы такие книги, как «Язык как знаковая система» (М., 1992), «Семиотика и лингвистика» (М., 1995), «Философия знаковых систем и язык» (Минск, 2002), «Позитивная семиотика» (Минск, 2004), «Парадигма семиотики» (Минск, 2006), «Синтаксис в знаковых системах» (Минск, 2007), «Очерк общей семиотики» (Минск, 2009), «Семиотика и теория познания» (М., 2012), "A Theory of General Semiotics" (Кембридж, 2015). В беседе используются такие методы, как семиотический, герменевтический, лингвистический, сравнительно-исторический, а также метод беседы/интервью. Ещё в начале прошлого столетия швейцарский лингвист Ф. де Соссюр заявил, что язык является системой знаков, а лингвистика должна быть поставлена в ряд всех прочих семиотических дисциплин, хотя она может считаться в этом ряду ведущей. С того времени не прекращаются дискуссии по поводу того, какое место среди иных знаковых систем принадлежит языку. Теория общей семиотики А. Б. Соломоника претендует на объяснение законов функционирования любых знаковых систем – от простейших (семафоров, например) до сложнейших (языковых, математических, музыкальных нотаций и пр.). Поэтому его подход к определению роли и значения языков в семиотической вселенной представляется важным; тем более что в череде бесконечных и постоянно выдвигающихся взглядов по данной проблематике ему отводится особая специфическая роль.

Ключевые слова: Философия антиязыка, философия семиотики, антиязык, знаковая реальность, онтологическая реальность, Соломоник, знаковая система, семиотика, философия языка, общая семиотика.

Review: The conversation with Abraham Solomonik has been recorded within the framework of the editorial project 'Who creates philosophy in Russia today' and devoted to the philosophical aspects of semiotics that expand the linguistic turn of the humanities. Abraham Solomonick (born in 1927) is a doctor of pedagogy, expert in teaching foreign languages, lexicographer, philosopher and founder of the original 'general semiotics' (the theory of signs, sign systems and semiotic reality). In 1974 Solomonik moved Israel with his family where he taught Hebrew to repatriates from other countries. After working for the Ministry of Education of Israel for 18 years, he got retired and started to work on semiotics. Since then, he has published over a dozen of articles devoted to semiotics both in Russian and English. He lives in Jerusalem. He is the Professor *Honoris Causa* and a member of the Russian Academy of Information Sciences (Moscow). The following books written by him are published in Russian: 'Language as a Sign System' (Moscow, 1992), 'Philosophy of Sign Systems and the Language' (Minsk, 2002), 'Positive Semiotics' (Minsk, 2004), 'Paradigm of Semiotics' (Minsk, 2006), 'Syntax in Sign Systems' (Minsk 2007), 'Essay on General Semiotics' (Minsk, 2009), 'Semiotics and Knowledge Theory' (Moscow, 2012), 'A Theory of General Semiotics' (Cambridge, 2015). In his conversation Nilogov has used semiotic, hermeneutic, linguistic, comparative historical research

methods and the method of interview/conversation. Already at the beginning of the last century a Swiss linguist Ferdinand de Saussure stated that language was a system of signs and linguistics should be regarded as other semiotic disciplines, or even seen as the leading branch of semiotics. Ever since then there have been ongoing discussions on the place of language among other sign systems. The theory of general semiotics presented by Abraham Solomonick claims to explain the laws of functioning of all sign systems, from the most primitive (semaphores, for instance) to the most complex systems (language, mathematics, music language, etc.). Therefore Solomonick's approach to the place and role of languages in the universe of semiotics is seen by Nilogov as very important, all the more so as Solomonick's approach plays a specific role in a range of never-ending and constantly changing views on this problem.

Keywords: *Solomonick, ontological reality, sign reality, anti-language, philosophy of semiotics, sign system, philosophy of anti-language, semiotics, philosophy of language, general semiotics.*

Человек появился в этом мире как малая и незащищенная единица, уступавшая по всем статьям многим существовавшим в то время животным и почти беспомощная перед силами природы. Только в силу своей приспособляемости он сумел стать сильным и могущественным (сильнее любого живого существа) и повелевающим многими природными процессами. Он может укрыться от дождя, града и снега, не только спрятавшись в пещере, но в созданных его руками домах и постройках, закутавшись в теплую одежду и оградившись от природных катаклизмов другими придуманными им средствами, не только придуманными, но и внедренными им в быт. Он может отодвинуть моря, запрудить реки и переделать лик Земли (пока в отдельных ее точках). Он может летать по воздуху быстрее и в большей безопасности, чем птицы, плавать по воде комфортабельней и скорее чем рыбы, вгрызаться в землю лучше, чем крот либо любое иное животное, обитающее в земной поверхности. Наконец, сегодня он может перелетать на другие небесные тела и мечтает об их заселении.

И все это благодаря своему труду (рукам) и уму. Но для этого понадобились миллионы лет *постоянного и поступательного развития*. Эти три выделенных концепта – *постоянное, поступательное и развитие* (движение, переход из одного состояния в другое) являются для меня решающими в данной схеме. Переделывая природу, среду своего обитания, человек переделывал также и самого себя. Он овладевал силами природы, как бы перекачивая их внутрь, в себя. Изменилось все. Коренным образом изменилась физиология человека – он встал на ноги, тело его приняло вертикальное положение, освободились руки и превратились в основные орудия труда. Вырос и усовершенствовался мозг – простое

распространение нервных цепей у простейших сконцентрировалось в нервных узлах у червей, а затем и в мозгу, нашедшем себе пристанище в голове. В результате Человек стал мыслить (анализировать, заглядывать вперед и заранее рассчитывать свои ходы), заимствуя первые логические алгоритмы из того, что наблюдал в природе. При этом он изобрел знаки и знаковые системы, с помощью которых наладил коммуникацию и тесное взаимодействие с другими людьми.

Важно подчеркнуть, что Человек не начинает своих преобразований *без предварительного их обдумывания и планирования*. Он также изменяет свою тактику и стратегию в ходе самих преобразований, когда встречается с непредвиденными препятствиями. Даже и по завершении проектов Человек продолжает отслеживать их плюсы и минусы, постоянно совершенствуя уже достигнутые результаты. Это и есть сознательная и разумная деятельность, отличающая Человека от Природы по выполнению ими Божественных функций созидания нового. При этом Человек постоянно совершенствует самого себя: он учится на своих достижениях и на своих ошибках. И к следующему предприятию приходит уже в ином качестве – совсем другим Человеком. Таким образом обеспечивается постоянное качественное и количественное нарастание процесса созидания Человеком нового в мире и нового мира.

Важным фактором указанного процесса является изобретение Человеком и овладение им уже существующими *знаками и знаковыми системами*. Именно знаки и знаковые системы отвечают за три важнейших компонента, без которых процесс развития мира и Человека не мог бы состояться. Во-первых, знаки обеспечивают межличностную коммуникацию, а без нее не было бы коопера-

ции между людьми. С помощью знаков люди разъясняют друг другу свои планы и гарантируют этим постоянное сотрудничество в их исполнении. Во-вторых, сами эти планы являются результатом проекции того, что уже существует, на то, чего еще нет. Без учета существующего нельзя построить ничего нового, и семиотические проекции выполняются поначалу в человеческом уме, овеществляясь в виде знаков, а потом уже и в реальности. В-третьих, знаки и знаковые системы передают накопленный опыт предков последующим поколениям, что, в конечном счете, определяет последовательное накопление результатов перестройки мира в разных знаковых источниках. Последнее обстоятельство отвечает за рост и преемственность культуры и за подготовку новых участников к ее продолжению, то есть, за их обучение.

Вследствие всех этих причин Человек постепенно становится средоточием знаков и символов, что дает право называть его *символическим животным*. Именно это обстоятельство отличает его от всех других живых существ.

Абрам Соломоник – израильский лингвист и семиотик. В июне 2015 года у него в издательстве Кембриджского университета вышла книга «Теория Общей Семиотики», в которой он пытается обобщить свои семиотические изыскания в виде законченной и полноценной теории. В ней все существующие знаки классифицируются по типу знаковых систем, в которых эти знаки представлены и функционируют. Классификация представлена как последовательное построение из шести типов знаковых систем, вырастающих один над другим в строгой последовательности и по нарастающей в знаках степени абстракции. По мере взросления человеческий род и каждый из нас овладевают знаками и научаются их использовать именно в такой последовательности – сначала знаки малой степени абстракции, а потом все большей и большей.

Каждый тип знаковых систем принимает на себя какую-то доминирующую функцию в формировании человеческого сознания. Так *образные знаки* представляют собой образы существующих объектов и их характеристики. Они сохраняют привязку к своим изображаемому, будучи в какой-то мере им *изоморфными*. Это обстоятельство делает их своего рода *метафорами* для реальных прототипов. Данное качество позволяет образным зна-

кам представлять нечто в соответствующей культурной традиции. Поэтому все виды искусств состоят из образных знаков: живопись, музыка, архитектура и др. Даже литература, пользуясь словами, выбирает для своих изображений именно образы и порождаемые ими слова-характеристики.

Другая знаковая ступенька включает в себя системы записи: письмо, рисунки, карты и планы, музыкальную нотацию и пр. Задача этих систем – распространять существующие знаки по всему земному шару и сохранять их для будущих поколений. Таким образом в каждой стране создается и продолжается любое знаковое достижение, которое появилось и закрепилось на национальном уровне. Так аккумулируются культурные достижения любого человеческого сообщества и, в конечном итоге, всего человеческого рода. Знаки и составленные из них системы оказываются непосредственно связанными с культурой и искусством, предметами нашего издания. Интервью с А. Б. Соломоником провел А. С. Нилогов

* * *

– Абрам Бенцианович, являются ли семиотические законы (законы функционирования знаковых систем) внутренними законами общей теории семиотики или их можно экстраполировать на онтологическую реальность, обосновывая такую процедуру свойством автореферентности («ссылка на себя»), которое характерно для естественного человеческого языка?

– Вы ставите на одну черту *семиотику* и *естественные языки*, как будто семиотика ориентирована и изучает в основном языковые знаковые системы. Смешение идет по двум линиям. Семиотика – это *наука о...* Язык – это продукт человеческой деятельности, который изучается во многих науках, в частности, в языкознании (ему насчитывается много тысяч лет), в литературоведении, в семиотике и т. д. Сравнивать следует два концепта равноценного логического содержания.

Во-вторых, язык является *одним из* семиотических продуктов, хотя и очень важным, может быть, самым важным из всех. Наряду с языком, человечество создало огромное множество иных семиотических конструкций – систем знаков. Упомяну системы математического плана, картографические изображе-

ния, нотную грамоту и т. п. Их бесчисленное множество и во многих отношениях они не уступают по своей важности языку; впрочем, каждое необходимо для своих целей и на своём месте. Семиотические законы, формулируемые в рамках *общей семиотики*, касаются всех их без исключения – как языковых систем, так и всех прочих.

Но в принципе ваш вопрос верен, потому что сами семиотические законы могут быть выведены и без применения общей семиотики, а путём их экстраполирования непосредственно из нашей онтологической практики. Так и получилось при зарождении и формировании семиотического знания: оно рождалось в практической деятельности и натягивало на себя одеяния той науки, в рамках которой пребывало. Самые первые семиотические построения были предложены медиками (Гиппократ в Древней Греции и Гален в Древнем Риме). Они начали рассматривать симптомы тех либо иных заболеваний как знаки, которые могли помочь врачу диагностировать болезнь и, следовательно, лечить её в соответствии с поставленным диагнозом. Этот подход способствовал созданию медицинской науки, которая противостояла подходу к врачеванию как к магической деятельности, определявшей причины болезней вмешательством сверхъестественных сил, что требовало, в конечном счёте, соответствующих заклинаний и убогствования этих сил.

Так зародилась *медицинская семиотика*, которая непрестанно развивалась на протяжении веков. Она не дождалась появления общей семиотики, которая бы выдала ей в готовом виде рецепты и законы, но счастливо процветала в ограниченных рамках той либо иной науки или профессиональной деятельности. Сегодня мы знаем медицинскую семиотику как органично вплетённую в медицину семиотическую активность, создающую такие знаковые системы, которые иногда не могут быть прочитаны даже лечащими врачами. Для их грамотного толкования требуются особые знания и навыки, предоставляемые специально обученными медицинскими работниками.

Аналогичное происходило и в других областях знания: они не дожидались рождения общей семиотики, которая могла бы сформулировать общие законы для всех. Они их решали каждый раз для собственных нужд. Поэтому не было и пока не существует общепринятой общей семиотики, которая бы сформулирова-

ла принятые всеми семиотиками принципы для всех *частных*, как я их называю, ответвлений. С моей точки зрения, она необходима хотя бы для того, чтобы уместить всё семиотическое знание в рамках одной науки, а семиотики из различных областей науки и практической деятельности могли говорить на универсальном семиотическом языке. Именно поэтому я посвятил свои семиотические труды проблемам *общей семиотики*.

– Согласны ли вы с точкой зрения французского антрополога Клода Леви-Стросса: «Язык не коренится ни в аналитическом разуме древних грамматиков, ни в конституированной диалектике структурной лингвистики, ни в конституирующей диалектике индивидуального праксиса, противостоящего практико-инертному, поскольку все они предполагают его существование. Лингвистика ставит нас перед лицом диалектического и тотализирующего бытия, которое однако, находится вне (или до) сознания и воли. Являясь нерелексивной тотализацией, язык выступает основанием человека, имеющим собственные основания, которых человек не знает» [1, с. 312]?

– Вопрос скорее к лингвисту или к возрастному психологу, нежели к семиотику, но я на него отвечу в той мере, в которой я его понял.

С первой частью утверждения-вопроса я склонен согласиться. Язык (речь идёт о каждом из многочисленных естественных языков, которые были изобретены людьми), действительно, по своему происхождению и сущности не зависит от лингвистических теорий, которые возникли много позже появления самого языка. Но когда такие теории появляются, они существенно влияют на его дальнейшее развитие. Язык был изобретён людьми из практической необходимости общаться между собой и координировать свои усилия с другими членами человеческого коллектива, внутри которого данный язык возникал. Как показывает история появления того или иного языка, а также практика освоения языка маленькими детьми, он возникает на очень ранней стадии развития человеческих индивидуумов и в значительной мере спонтанно, но, конечно, с участием нашего сознания и воли. Все эти сказки о мистическом характере языка опровергаются простой жизненной практикой, которую можно увидеть невоору-

жённным взглядом, описать и проанализировать, что и делается многочисленными лингвистами и даже непрофессионалами.

Вторая часть вопроса, начиная со слов «Лингвистика ставит нас...» и до конца цитаты представляется мне суесловием и набором слов. Думаю, что суесловие это – плод труда переводчика, а не самого Леви-Стросса, некоторые из работ которого я читал. Они вовсе не представляют собой ничего мистического и эзотерического. А может быть, это мнение и самого переведённого автора, но тогда я решительно с ним не согласен.

В лингвистике давно и чётко подразделяются два понятия: «язык» и «речь» (прочитайте хотя бы де Соссюра). Речь представляет собой индивидуальную реализацию конкретного языкового акта, и она всегда специфична, имея конкретного исполнителя и неповторимую обстановку данного речевого действия. Язык – плод труда многих поколений исполнителей, принадлежащих к одному языковому коллективу, корпус всех явлений данной знаковой системы. Только в таком виде он и попадает в руки специалистов (грамматиков, структуралистов и всех остальных), которые тщательно и детально его обрабатывают и придают ему тот вид, который он имеет на каждой стадии своего существования. Обработка разных сторон языка на нынешнем этапе развития цивилизации предстаёт перед нами в виде словарей, грамматик и различных специальных текстов языкового содержания. Результаты обработки языка доносятся до всех членов языкового сообщества через семью, школу, газеты, по радио, ТВ и т. д. Любой член данного коллектива проходит трудную и многолетнюю тренировку в родном языке, которую потом применяет в разнообразных жизненных обстоятельствах.

Как видите, все ясно и понятно; ничего мистического, вроде «оснований человека, которых тот не знает», не наблюдается. С семиотической точки зрения, которую я проповедую, языковые знаковые системы возникают только после овладения некоторыми другими типами систем, как-то: естественными и образными. На базе владения этими системами, собственно, и возникают позывы и предпосылки к изучению языковых навыков и умений. А владение начатками языка даёт стимул к дальнейшему семиотическому развитию личности, к овладению письменными и формализованными системами, символическими по своему знаковому содержанию.

– Вы различаете семиотический и семантический подходы к изучению языка?

– Конечно, различаю: это совершенно разные вещи. *Семантика* – первоначально лингвистический концепт, означавший и означающий специфический языковой аспект и изучающий значение слов. Он был введён в лингвистику французским лингвистом Мишелем Бреалем в 1880-е годы. До этого в языкознании отличали только фонетический и грамматический планы употребления слов. Бреаль разработал целую науку, которая изучала появление новых слов, расширение и сужение их значений, метафорическое использование и пр. В 1897 году он выпустил книгу под названием «Очерки по семантике языка», чем и закрепил внедрение нового термина в лингвистический дискурс. Сам он работал на материале французского языка, но очень скоро лингвисты ввели это направление в различные национальные языки. Так это продолжается до нашего времени.

Расширенное толкование этого концепта в семиотическом его употреблении дал американский психолог и семиотик *Чарльз Моррис*. В своей работе «Основы теории знаков» (1938) он писал о трёх возможных аспектах рассмотрения *любого знака*, а не только языкового (слов): о семантическом, синтаксическом и прагматическом анализе знаков. Под первым аспектом он имел в виду соотношение знака и его изображаемого (референта, прототипа), под синтаксическим – связи знаков между собой и под прагматическим – понимание знака его интерпретатором-человеком. С тех пор в семиотике принято различать эти три направления изучения знаков.

Но если говорить о контрасте между семантическим и семиотическим подходом к языковым проблемам (что вы, очевидно, и имели в виду), то тут выясняется ещё один угол зрения. Каким бы ни был лингвистический подход к языку, он всегда остаётся *лингвистическим*. Также и семантический подход к словам будет не больше, чем подходом, уложенным в рамки лингвистики. Он всегда будет сочетаться с морфологическим и фонетическим подходами и будет относиться к «словам», «синтагмам» и «фразеологическим единствам». И в этом будет его специфика. Поэтому его место именно там – в лингвистике. К другим видам знаков он не применим, ведь, вы не будете картографические изображения рассматривать с точки зрения фонетики, а об их

грамматике будете говорить лишь в иносказательном смысле.

Даже рассматривая языковые единицы, скажем, слова, *под семиотическим углом зрения* и применяя аналогичный концепт «семантики», вы всё равно будете иметь в виду нечто иное, а не слова в их лингвистическом представлении. Вы будете относиться к ним не как к словам в языковом смысле (словарные единицы, сложные слова и т. д.), а как к знакам семиотического наполнения, применяя концепты «знак», «сложный знак», «сращения знаков» и т. п. А это будет совершенно иным подходом, чем подход лингвистический. И результат анализа будет абсолютно иным, специфическим для семиотики и лишь косвенно доступный лингвистам.

Ничего особенного в этом нет: подобные концепты, попадая в различное научное оформление, приобретают совершенно иное значение и должны анализироваться под различным углом зрения. Мне вспоминается пример, приведённый *Томасом Куном* в его знаменитой книге «Структура научных революций» (1962): «Исследователь, который надеялся узнать кое-что о том, как учёные представляют теорию атома, спросил у выдающегося физика и видного химика, является ли *один атом гелия* молекулой или нет. Оба отвечали без колебания, но их ответы были различными. Для химика атом гелия был молекулой, потому что он вёл себя как молекула в соответствии с кинетической теорией газов. Наоборот, для физика атом гелия не был молекулой, поскольку он не давал молекулярного спектра» [2, с. 82].

Аналогично, один текст может обсуждаться с различных точек зрения. Он может анализироваться с точки зрения его словарного состава и грамматических построений в рамках лингвистического дискурса. И совершенно иначе с применением разных концептов (иногда, правда, пересекающихся) с точки зрения семиотической. Если этот текст относится к рекламе, то ещё и с точки зрения рекламных дел мастера. А если он поэтический, то к его обсуждению и анализу может быть привлечён специалист по поэтике. И каждый раз мы будем получать иной результат, лишь частично перекликающийся с другими процедурами анализа. Каждый раз целое будет расчленено в соответствии с различными критериями, а полученные части будут рассматриваться в ином свете. Поэтому семиотический анализ любого текста будет отличаться от анализа

исходного текста методами, принятыми в семантике как части лингвистического подхода.

– **Насколько близка вам глоссематика, разработанная датским лингвистом Луи Ельмслевом – автором книги «Прологомены к теории языка»?**

– Нисколько не близка. Когда-то очень давно я прочёл эту работу, но не загорелся и больше к ней не возвращался.

– **В какой мере ваша семиотическая методология является частью структуриализма? Или дело обстоит наоборот? (Ср.: Луи Ельмслев определил структуру как автономную сущность внутренних зависимостей.)**

– Честно говоря, я не знаю, как ответить на этот вопрос. Всё можно сравнивать со всем, вопрос заключается в том, нужно ли такое сравнение. Мне кажется, гораздо более содержательным может оказаться сравнение семиотики с философией.

– **Как бы вы прокомментировали следующие слова французского философа Поля Рикёра: «Не заключается ли теперь задача философии в том, чтобы неустанно открывать дискурс навстречу говорящему существу, тот дискурс, который лингвистика, в силу собственной методологии, всё время закрывает, превращая в замкнутый универсум знаков, в сугубо внутреннюю игру их взаимных отношений?» [3, с. 135]?**

– Пожалуй, для меня сейчас это самый интересный вопрос из всех, вами предложенных. И не потому, что он такой уж сложный и неразрешимый. Прочтя первый том вашей книги, я понял, что масса философов, которых вы в ней представили, видят в языке нечто таинственное и невнятное, представляющее собой опасность для использующих этот язык людей. Об этом свидетельствуют слова, процитированные вами выше. Рикёр даже призывает на помощь философов, которые бы подменили собой негодяев-филологов, *закрывающих* (?) «языковой дискурс своей методологией».

Это – неподдельная чушь, противоречащая здравому смыслу. Язык потому и возник, что он призван помочь людям в их существовании, в их естественном противостоянии с природой, в лоно которой мы все попадаем, а также в коммуникации между различными особями. Воплям по поводу того, что язык,

якобы, разъединяет, а не сплачивает, людей, я мог бы противопоставить тысячи, – да куда там тысячи (!) – миллионы высказываний по поводу языка, который помог человеку стать тем, чем он сегодня является. Языковедение со своей стороны довольно старое и почтенное в глазах всех народов занятие; и если бы оно было столь вредоносно, как об этом говорит Рикёр, его давным-давно не стало бы.

А заниматься языком можно, только собрав его в единый корпус, который лингвисты естественным образом расчлениют, чтобы проанализировать какие-то детали целого. Язык в целом рассматривается крайне редко, обычно занимаются его отдельными слагаемыми. Это похоже на то, как художник монументалист рисует портрет на огромном холсте. Он разбивает его на квадраты и рисует каждый квадрат по отдельности. Потом он собирает их вместе, прилаживая друг к другу. Альтернативного пути просто не существует. Мысль о том, что полученное целое не помогает людям осуществлять коммуникацию между собой, противоречит ежедневной и постоянной практике каждого из нас.

Но я не буду делать вид, что проблемы не существует. Есть речевые ситуации, в которых простое и немедленное разъяснение сказанного снимает непонятое собеседником, а есть ситуации, в которых многословные и неоднократные пояснения не приводят к желаемому результату. Это происходит, в частности, потому, что некоторые слова и выражения, которыми мы пользуемся, понимаются нашими собеседниками по-иному. Понимаются они так потому, что у каждого из нас разный словарный и жизненный опыт. Ситуация эта отнюдь не тупиковая, и выход из неё не требует помощи философов, которые обычно только усложняют непонимание своими сложными разъяснениями.

Выход из таких запутанных ситуаций видится мне в двух различных процедурах: в обращении к прежнему жизненному опыту беседующих, то есть в согласовании двух различных картин из объективной реальности, и в логических процедурах чисто лингвистического характера. Обратимся к каждой процедуре по отдельности.

Языковые знаки (обычно это слова), как и все прочие знаки, создаются для того, чтобы зашифровать в себе что-то ещё, а не только знак как таковой. Часть из них шифруют что-то из объективной или семиотической реальности, после чего мы используем эти знаки,

чтобы, манипулируя ими, прийти к какому-то результату по поводу не самих знаков, а тех объектов, которые они обозначают. Поэтому то, что вы называете *референтностью*, относится не столько к самому знаку, сколько к объекту, им обозначаемому. В этом и заключается основной смысл существования знаков. Данное обстоятельство позволяет нам воспринимать и интерпретировать используемые знаки. Если я в разговоре использую русское слово «стол», то необходимым условием понимания сказанного будет знание самого этого слова (понимание *смысла знака*) и знания, что такое «стол» в природе, то есть *значения* используемого знака. На различие между смыслом и значением знака впервые указал немецкий математик и логик *Готлоб Фреге* (1848 – 1925), в чём его непреходящая заслуга.

Именно обращение за разъяснением сказанного к той объективной реальности, которая шифруется в беседе, снимает большинство недоумений, возникающих по ходу разговора. Мы постоянно повторяемся, переспрашиваем, перефразируем, показываем, наконец, жестами, рисунками и даже демонстрируем предмет разговора в природе. И так, большинство непониманий на общежитейском уровне снимается обращением к той реальности, которая стоит за используемыми языковыми знаками. Иногда этого оказывается недостаточным; обычно это происходит, если мы используем сложные и многозначные знаки.

Тогда мы обращаемся к различным логическим процедурам, помогающим понять такие слова, которые я называю *понятиями* или *концептами*. Я впервые ввёл в семиотику понятие *абстрактности знака*, предложив сравнивать знаки между собой не только по тем трём параметрам, на которые указал *Чарльз Моррис*, но также по степени их абстрактности. Этот параметр применяется к любому виду знаков, применяется он и к словам. Все слова я делю на три категории: на *имена собственные*, которые имеют один единственный референт (а стало быть и минимальный уровень абстрактности); на *понятия* (стол, книга, человек и т. д.), которые реферируют множество классов для объектов определённого рода; и на *концепты*, которые служат скорее не для обозначения одного или множества предметов, а для распределения их внутри того или иного поля научного знания. Самыми абстрактными из трёх видов слов оказываются *концепты*. Для их определения требуется усилия целых коллективов учёных;

и они-то вызывают наибольшие затруднения при восприятии и интерпретации, потому что простым показом или пояснением здесь многого не достигнешь.

Для определения *понятий* мы обычно пользуемся логической процедурой, которая названа *древом Порфирия*. Неоплатоник Порфирий предложил эту процедуру ещё в III веке н. э. Она заключается в постепенном снижении уровня абстрактности в понятии путем его постепенного перехода от более высокой категории к его более приземлённому уровню. На каждой ступеньке такого перехода сравниваются два оппозирующих понятия одного уровня, но с противоположными видовыми признаками. Наконец, когда мы постепенно снимаем таким образом неопределённость и достигаем легко осознаваемый нами уровень понятия, мы формулируем его окончательное определение. *Топор* определяется как *орудие* (ближайший родовой признак предыдущей ступени) *для колки дров* (или любой иной видовой признак). Такой процедуры обычно оказывается достаточно для прояснения сущности непонятого слова-понятия, поскольку выбираются такие признаки, которые знакомы обычному человеку из его прежнего жизненного опыта.

Поскольку мы ведём речь о весьма отвлечённых вещах, я решил проиллюстрировать мои доводы примером из элементарной математики. Все мы в 5-6 классе средней школы занимались сокращением дробей и приведением их к простейшему виду. Для этого мы применяли разложение данных нам первоначально чисел на множители, а потом сокращали одинаковые множители в числителе и в знаменателе. Аналогичная процедура применяется и в алгебраических преобразованиях. Возьмём в качестве примера обыкновенное преобразование дробей:

$$\frac{53^2 - 47^2}{61^2 - 39^2} = \frac{(53-47)(53+47)}{(61-39)(61+39)} = \frac{6 \cdot 100}{22 \cdot 100} = \frac{6}{22} = \frac{3}{11}$$

Для чего мы применили все указанные в преобразовании процедуры? По двум причинам: они позволили выбрать наиболее простой алгоритм решения примера и, во-вторых, они свели все трансформации к легко обозримым и понимаемым цифрам. По принятой мною терминологии они уменьшили *степень абстрактности* применяемых знаков, заменив их легко осознаваемыми и решаемыми даже в уме цифрами. Эту процедуру я называю *избавлением от излишней абстрактности*

знаков. Аналогичная картина высвечивается в предложенной трансформации для слов путём постепенного уменьшения их уровня абстракции. Сначала мы берём слово «орудие»; оно объединяет огромное количество разнообразных классов «орудий». Тогда мы убираем такую многозначность посредством выделения составляющих это слово подклассов: *орудия для обработки земли, орудия для еды, орудия для письма* и пр. Затем выбираем нужный нам подкласс и находим определение нужного нам слова, например, *ложка* – «орудие для еды, которым мы черпаем жидкую либо полужидкую пищу». Что мы сделали? Мы при переходе от сложного и многозначного слова делим его на множители и затем обращаемся к нужному нам сомножителю, который оказывается значительно меньшей степени сложности.

Для определения *концептов* древа Порфирия недостаточно, так как они являются обычно понятиями самого высокого уровня, не имеющих выше себя никаких родовых обобщений. Тогда мы переходим к процедуре, которую я назвал *модифицированное древо Порфирия* и предложил её для определения содержания концептов. *Концепты применяются обычно скорее не для обозначения чего-то вне языковой системы, а для распределения всех употребляемых в данном тексте терминов по однородным для них классам*. Они используются, главным образом, в языках науки. Поэтому мы обычно встречаем концепты в качестве заголовков различных классов терминов в специальных терминологических словарях. Например, в ботаническом словаре мы найдём такие заголовки для его подразделений: *травы, многолетние растения, деревья, морфология растений* и пр. Всё это – концепты, которые имеют наибольшую степень абстрактности среди всех слов любого языка.

Поэтому для их определения я предложил совершенно особую процедуру. О ней я писал во многих статьях, которые можно найти в Интернете, набрав мою фамилию и заголовок «язык науки».

– **Могли бы вы прокомментировать этот отрывок из книги Поля Рикёра «Конфликт интерпретаций»: «Любой знак, говорим мы, может быть выражен с помощью другого знака, внутри которого он раскрывается с большей полнотой; это касается определений, уравнительных предикаций, описательных**

выражений, предикативных отношений и символов. Но чего мы достигли, идя таким путем? Мы разрешили проблему семантики с помощью ресурсов металингвистической функции, то есть, если иметь в виду другое исследование Якобсона, нацеленное на изучение множественных функций, используемых в коммуникации, тех ресурсов функции, которая связывает отрезок дискурса с кодом, а не с отсылкой. Это настолько справедливо, что, когда Якобсон опирается на структурный анализ для изучения метафорического процесса (приравненного, как мы помним, к группе операций, включающих в игру сходство на оси замещений), он развивает его в понятиях металингвистического действия: только потому, что знаки взаимно обозначивают друг друга, они вступают в отношения замещения и становится возможным сам метафорический процесс. Таким образом, семантика со свойственной ей проблемой множественного смысла пребывает в закрытом языковом пространстве, так что не случайно лингвист ссылается здесь на логику: «Символическая логика, – отмечает Якобсон, – не перестает напоминать нам о том, что лингвистические значения, образованные системой аналитических отношений одного выражения к другим, не предполагают присутствия вещей». Не лучше ли просто сказать, что более строгая трактовка проблемы двойного смысла была оплачена отсутствием устремленности к вещи. В конце первой части мы утверждали: философское значение символизма заключается в том, что в нем неоднозначность бытия заявляет о себе благодаря множественности наших знаков. Теперь мы знаем, что наука, изучающая эту смысловую множественность, то есть лингвистическая наука, требует от нас, чтобы мы находились в замкнутом универсуме знаков. Не содержится ли здесь указание на вполне определённое отношение между философией языка и наукой о языке, между герменевтикой как философией и семантикой как наукой? [3, с. 127–128]»

– Эк, как вы меня озадачили! Да тут набор (хотел написать «куча», да постеснялся) вопросов, для ответа на которые потребовалась бы докторская диссертация. И то я не уверен

в успехе. Этот текст мне чужд по подходу, по формулировкам, а главное – по смешению всех и всяческих абсолютно разных и не всегда понятных понятий в одну кучу (не удержался всё-таки!).

– Близка ли вам герменевтическая методология в отношении семиотики, которая может быть расширена не столько за счёт семантики, сколько посредством интерпретации, которая «исходит из многосложного определения символов – из их сверхопределения, как говорит психоанализ» (Рикёр) [3, с. 53]?

– И чего вы замкнулись на Рикёре? Да, известен, хороший герменевтик, но ведь не Эйнштейн. Герменевтика – наука сама по себе, семиотика – сама по себе. Герменевтика толкует старые тексты, которые вследствие их древности сегодня трудно понять. Для этого она выработала свои специфические методы и подходы, которые лишь частично касаются семиотики, а иногда и вовсе не касаются. Кстати, я слышал, что герменевтика никак не может вырваться из объятий философии. Это мне интересней, потому как и семиотика в какой-то мере чувствует себя служанкой философии. Тут было бы интересно сравнить две линии обороны (в герменевтике и семиотике), которые пытаются защититься от притязаний некоторых философов на то и на другое.

– Для описания теории общей семиотики вы используете металингвистическую функцию языковой системы. Является ли языковая система универсальной системой описания любой другой семиотической системы? Если не является, то можно ли компенсировать такое описание знаковыми ресурсами неязыковых систем – например, формализованных, или для этого требуется более критический подход к возможностям естественной языковой системы?

– Я не использую «металингвистическую функцию языковой системы» для описания общей семиотики. Я использую для этого сам язык, а это совершенно иное дело. Язык используется для описания и объяснения любой знаковой системы в любой науке. Он в моей схеме различных знаковых систем занимает срединное место по шкале абстрактности; по-видимому, поэтому он обладает особыми эвристическими свойствами, которые позволяют ему быть интерпретатором всех прочих

знаковых систем. Мы встречаем язык внутри математических и логических преобразований, в метаязыке любой знаковой системы, объясняющим её построения и прочее, и т. д.

Это вовсе не значит, что языковые системы важнее или подменяют всё остальное. Попробуйте с помощью языка, не пользуясь цифрами, произвести умножение 1563 на 2543, и вы убедитесь, что язык в этом случае беспомощен. Он может назвать любое число и объяснить любое математическое преобразование, но он не в силах встать на место цифр, представляющие эти числа при их трансформациях. Язык может объяснить в меру своих возможностей картину, балет либо музыкальное произведение, но он не может заменить те знаковые системы, которые используются для их создания.

Для объяснения действий той или иной системы мы применяем язык, а для объяснения языковых описаний мы можем использовать совсем иные знаковые конструкции, например, иллюстрации в художественном тексте, схемы, диаграммы или чертежи. Объяснительная функция не сосредоточена только в языке, но имеется и в других знаковых конструкциях. Правда, язык используется для выполнения этой задачи чаще, чем другие знаковые образования.

– Сталкивались ли вы с обвинением в марксистском подходе к семиотике? Не занижаете ли вы теоретическую семиотику прикладными задачами?

– Прежде не сталкивался, но у вас к этому всё шло. Как я писал в своих предварительных замечаниях к интервью, я человек старого закала и, несмотря на моё отвращение к социальным и экономическим идеям марксизма, некоторые положения их философии вошли мне в плоть и кровь. Я выступаю как несправимый материалист в том смысле, который придавался этому понятию в советской философии. Иначе говоря, я принимаю, что вне нашего сознания имеется некая объективная реальность и по отношению к сознанию она первична и в значительной мере его определяет. Затем уже наше сознание оказывает обратное воздействие на объективную реальность, и начинается их взаимодействие. В результате такого взаимодействия возникает то, что я называю *семиотической реальностью*.

Я считаю, что философия вне возможности её практического приложения теряет все критерии своей значимости. Иначе говоря, говорить и писать можно о чём угодно и как угодно,

ибо проверить значимость сказанного за пределами его практического приложения просто невозможно. Правда, приложение может означать не только воплощение в виде физических воспринимаемых вещей, но и семиотическое приложение – органическое вхождение нового знания в корпус принятых постулатов. Это, кстати, проблема любой науки, а не только философии или семиотики. Особенно спорят по этому поводу математики.

Вместе с тем, занятия семиотикой, которым я посвятил последние двадцать лет, создали у меня отчётливое впечатление, что я балансирую где-то на грани семиотики и философии. До сих пор, даже для себя, я зачастую не могу чётко сформулировать разницу между семиотическими и философскими подходами к проблемам, которыми мне пришлось заниматься. Тем не менее, в этих подходах я старался придерживаться некоей демаркационной линии, которую сам себе назначил.

В отношении семиотики для меня ясно, что разговоры вокруг да около, без возможной их проверки на практике, едва ли можно защитить от возражений. К счастью, у семиотики таких приложений – пруд пруди: картография, лингвистика, реклама, информатика. Всё это науки с вполне ощутимым выходом на практику. Поэтому я в последние годы почувствовал, что теории мне в избытке хватает для того, чтобы позаботиться о её приложениях во всех или в некоторых частных отраслевых семиотиках. Я начал искать контакты со специалистами в тех областях науки, в которых мог бы сказать новое *семиотическое слово*. Я нашёл их в педагогике, в картографии и в информатике. Эти поиски я намерен продолжать.

– Солидарны ли вы с позицией австрийского философа Людвиг фон Витгенштейна о том, что прояснение правил употребления языковых единиц и устранение противоречий составляет задачу философии?

– Нет, не солидарен. Это – обязанность лингвистов, которые значительно лучше, чем философы, знают язык и могут вполне самостоятельно справиться с правилами употребления языковых единиц, а также устранить их неправильное использование. Однако и философам, по-моему, есть место для высказываний по поводу языка, только не по поводу правильного или неправильного словоупотребления. Философам есть место для высказывания в любой науке. Чтобы понять

эту мысль, следует подробнее разъяснить моё восприятие философии вообще и её значение для любой отрасли знания.

Я понимаю философию в свете прямого толкования её названия («любовь к мудрости»). Древние греки понимали философствование как рассуждение на высокие темы, а не просто на темы дня. Почитайте тексты древних философов – они говорят и рассуждают обо всем. Науки в нашем понимании тогда не было: для создания научных подходов и их концептуального оформления не было ещё собрано достаточно фактов. Их заменяли рассуждения философов – любителей помудрствовать. Это не значит, что среди этих рассуждений не попадались гениальные догадки, скажем, об атомном строении любой материи или о диалектическом развитии многих процессов. Но ведь не было никаких вещественных доказательств этому, так что данное рассуждение оставалось догадкой, одной среди многих.

Отсюда можно понять, почему именно из философии постепенно рождались и вычленились различные науки. Они появлялись из гениальных догадок по мере того, как набиралось нужное число фактов, сочлѐнных в отдельную и цельную науку. Так из философии вышла физика. Сначала были просто философские разглагольствования на эту тему, постепенно собирались вместе релевантные факты, которые выделились в специфическую область научных исследований со своими предметом и методологией. Также из философии вышла логика и многие науки.

Но делалось это постепенно и по стадиям: в новой науке всегда оставалось место для философских рассуждений, остаѐтся оно ещё и сейчас. Те (обычно это самые общие положения науки), которые ещё не были объяснены экспериментальной практикой внутри данной отрасли знания, по-прежнему объяснялись либо «чистыми» философами, либо философствующими учёными из среды тех, кто занимался данной наукой профессионально. Скажем, область моих собственных профессиональных интересов – методика преподавания иностранных языков.

До конца XIX века преподавание иностранных языков в школе рассматривалось как инструмент для оттачивания ума. В древних языках – древнегреческом и латыни – как бы сосредотачивалась человеческая мудрость, а тексты на этих языках служили образцами для воспитания юных граждан. К этому можно было прийти путем изучения мѐртвых языков.

Их и изучали, причѐм, методами, пригодными для этой цели. Все живые иностранные языки изучались по аналогии. К концу XIX стало ясно, что иностранные языки следует изучать, чтобы общаться с их носителями. Изменился философский подход к обоснованию данного предмета среди других дисциплин школьной программы, его места там и более подходящих путей его изучения. Стали предлагаться прямые методы, и сегодня они доминируют в любой стране, а изучение древних языков в большинстве обычных школ прекратилось вообще.

Фактически такого рода вопросы всегда и в любой науке останутся притягательными для философского обсуждения. Никто не может объяснить тот или иной тезис из данного репертуара какими-либо чисто профессиональными соображениями. Они могут быть объяснены только соображениями общего характера, являющимися прерогативой философского дискурса. То же самое относится и к языкознанию. *Внутренние проблемы этой науки должны решаться лингвистами, а общие рамки языковых проблем и их соотношение с иными научными подходами всегда останутся открытыми для доводов философии.*

– Если вы признаете существование объективной реальности, то допускаете ли вы возможность того, что созданная человеком семиотическая реальность искажѐнно представляет объективную реальность, делая человека заложником той языковой сущности, которая складывается из обмена пустыми немотивированными знаками? Каковы семиотические альтернативы в презентации объективной реальности?

– На эти вопросы следует ответить разнополярно на двух уровнях. На поверхности ответом может быть только «да, признаю». То есть, конечно, *семиотическое отражение онтологической и семиотической реальности может быть неадекватным*. Человек и даже люди в массе своей могут заблуждаться. Более того, я многократно подчѐркивал в своих лингвистических трудах, что одной из функций естественного языка является намеренное и неадекватное воссоздание объективной действительности. Для целей пропаганды и идеологической обработки специально создаются «новоязы» типа того языка, который гениально описан Джорджем Орвелом в его знаменитом романе «1984». Исправление такого рода искажений может быть достигнуто только

сравнением языковых клише с жизнью и объяснением несовместимости одного с другим.

Но вы, очевидно, имели в виду другую проблему – проблему несовместимости различных семиотических построений (прежде всего, языковых) с той или иной картиной мира, созданной в мозгу интерпретатора текста ранее и оформленной знаками иной системы. Мы добрались до гипотезы американских лингвистов Сэпира и Уорфа, которые постулировали непреодолимость таких барьеров. Они утверждали, что языковая картина мира, имеющаяся у человека и оформленная в одной системе знаков, не может быть преодолена картиной, нарисованной иначе. Гипотеза эта наделала много шума, и копыя по её поводу ломаются по сей день. Но она и порядком надоела, поскольку легко опровергается ежедневной нашей практикой. Письменные тексты адекватно переводятся на другие языки, а в ходе устных дискуссий люди постоянно приходят к соглашению друг с другом. Люди различных национальностей и совершенно, казалось бы, несовместимого жизненного опыта успешно кооперируют свои усилия в общей деятельности. Данная гипотеза надумана и бесплодна по своим выводам. Она правильно указывает на существующие трудности в начале процесса сглаживания различий, но абсолютно неверна в своих конечных заключениях.

– Знакомы ли вы с отечественной традицией логического анализа языка, лидером которого является член-корреспондент РАН – Нина Давидовна Арутюнова?

– К сожалению, не знаком.

– Каких современных зарубежных и российских семиотиков вы бы назвали?

– Воздержусь от этого. Мне наиболее близок московский семиотик Григорий Яковлевич Крейдлин.

– Что, на ваш взгляд, является водоразделом между семиотической методологией и философской методологией?

– Семиотика занимается изучением знаков, знаковых систем и семиотической реальности. Философия – чем угодно. Соответственно изменяются методы изучения материала. Семиотика, как и все прочие науки, вышла из философии: она еще пребывает а значительной своей части в «философских пеленках», поэтому зависит от философских рассуждений больше, чем, скажем,

физика или медицина. Но всё-таки она быстро приобретает своё собственное лицо.

– Какие точки соприкосновения вы находите между герменевтикой и семиотикой?

– *Герменевтика* – наука о толковании древних, преимущественно священных текстов. Еще в словаре Даля она определялась как «наука, объясняющая священное писание». У христиан она называется ещё *экзегезой*. Сейчас она имеет более широкое применение, ибо начала применяться для толкования и других древних текстов. У неё есть, разумеется, свои методы толкования древних текстов: сравнение их с другими источниками, с историческими событиями времени написания и пр.

Точки соприкосновения герменевтики и семиотики, по-моему, суть следующие: герменевтика относится к тексту и его частям, которые предстоит истолковать, как к знакам чего-то давно прошедшего, что за флером времени потеряло свои явственные очертания, и это сближает её с семиотикой. Но скорее с некоторой очень узкой частью семиотики, которая касается расшифровки непонятных знаков (например, расшифровки мертвых языков, криптограмм и т. д.). В этой части, по-видимому, семиотика может воспользоваться некоторыми приёмами и методами, которые применяются в герменевтике.

Опять-таки, в некоторой части от этой части может оказаться полезным принятый в герменевтике принцип: если поступит новая информация по поводу уже расшифрованных мест, то следует их «перерасшифровать» (юридически этот принцип соответствует пересмотру дела в связи с вновь открывшимися обстоятельствами). В семиотике это тоже применяется, скажем, для не полностью расшифрованных языков (языка майи или других аналогичных систем).

Есть ещё одна общая черта: и семиотика, и герменевтика активно борются за то, чтобы объявить себя освобождёнными от философии. Для герменевтики эта проблема стоит ещё более остро – слишком сильна традиция считать герменевтику философской наукой.

– Является ли занятием семиотикой разновидностью языковой игры (по Л. Витгенштейну)?

– Нет, семиотика не сводится к языковым проблемам и является иной наукой, нежели лингвистика.

– **Согласны ли вы с тем, что, не разбираясь в некоторых семиотических системах, вы создаёте общую теорию семиотики на собственный страх и риск? Что вы можете сказать о таком понятии, как семиотическая (не)компетентность? (Ср.: Семиотическое любительство: «Специалисты по общей семиотике просто недостаточно компетентны, чтобы судить о знаковых достижениях в разнообразных областях человеческой активности» [4].)**

– Эта максима повторяется во многих моих публикациях, в частности, в статье «Семиотика общая и семиотики частные». Да, я создаю общую теорию семиотики на свой страх и риск. Но это совершенно самостоятельный и оригинальный подход. Общая семиотика по моей задумке опирается на три принципа: 1) она берёт конкретный материал из любой частной семиотики и использует его для своих разработок; 2) это не значит, что специалист по общей семиотике должен разбираться во всех частных семиотиках. Это невозможно. Равным образом специалист по общей зоологии не может знать все области зоологии, но может вывести их общую направленность, принципы и методологию (не специальные методы); 3) выводы из общей семиотики должны быть применимы к любой частной семиотике.

– **Можно ли отождествить прикладные семиотики с языковыми играми (Л. Витгенштейн)? А общую теорию языковой игры как общую теорию семиотики? Другими словами, какова семиотика общей теории семиотики?**

– Нет никакой семиотики выше общей семиотики. Равно нет никакой зоологии выше общей зоологии. Не выше, но рядом с общей семиотикой есть только философия, которая объясняет некоторые вопросы, как она это делает для любой другой науки конкретного плана. А рядом с любой частной семиотикой существует на её уровне своя философия, которая объясняет некоторые вопросы частного порядка, характерные, скажем, для картографической семиотики или для иных семиотических ответвлений. Философия в этом плане более общая наука, чем семиотика. Она не имеет ограниченного предмета изучения, а семиотика имеет: это – знаки, знаковые системы и семиотическая реальность в целом.

– **Вы отмечаете, что «все слова данного языка включаются в идеале в полный толковый словарь конкретного языка. Только это – недостижимый идеал, потому что все слова того или иного языка невозможно перечислить ни в одном, даже самом полном словаре – так их много и настолько они разнообразны». Однако разрабатываемая мною философия антиязыка как раз и занимается классификацией тех единиц языка, которые отсутствуют как в наличных словарях, так и в идеальных словарях. Семиотика ими не занимается, поскольку отсутствуют конкретные знаковые единицы, а опознаются лишь классы соответствующих слов. Например, класс потенциалологизмов. Это такие словоформы, которые отсутствуют в языке (или в словаре), но которые при необходимости могут восполнить парадигму конкретного слова. Как только восполнение происходит – антислово переходит в статус слова. Вот вам пример антиязыка. А таких классов я открыл более двухсот [5].**

– Это – «недостижимый идеал», потому что слов так много и они всё время меняются в своих значениях. Старые единицы языка пропадают, а новые постоянно нарождаются. Поэтому мы не можем создать совершенно полный словарь того или иного языка, а не потому, что мы не можем объяснить те или иные слова. Любое слово можно объяснить, иначе они не могут быть словами. Любое слово имеет значение, как и любой неязыковой знак тоже.

– **В одной из своих работ вы пишете: «Теперь же я хочу только указать, что язык наделён особой объясняющей силой, поскольку занимает в нашем мозгу совершенно уникальное положение, с которого видны все достоинства и недостатки прочих семиотических построений. Он – всеобщий интерпретатор и толкователь всех прочих знаковых систем. Системы, уступающие языкам по своему заряду абстракции (лежащие ниже его в общей иерархии систем), он при объяснениях «поднимает» до своего уровня абстракции. Системы же, превосходящие его по степени абстракции, он «опускает» до своего уровня. Таким образом реализуется языком свойствен-**

ная ему функция объяснения». Уверены ли вы в том, что естественный язык занижает абстрактность тех систем, которые стоят выше него в вашей иерархии?

– Конечно уверен. Попробуйте создать формулу, скажем, Ньютона по гравитации на языковых знаках. Ни создать её, ни вычислить по ней с помощью слов ничего нельзя. А объяснить её с помощью слов можно, что мы и делаем в школе и вузе (правда, на разных уровнях). Поэтому я называю словарный уровень знаковых систем объясняющим уровнем. Он может объяснить любую другую знаковую систему, но ни создать, ни работать с ней он не может. В этом смысле (но только в этом) язык – самая всеобъемлющая система знаков.

– В естественном языке абстрактности не меньше, чем в формализованных системах, чья абстрактность во многом зависит от абстрактности естественного языка, благодаря которому формализованные системы являются таковыми... Абстрактность абстрактностью, но где ваши исследования о формализованных системах? Если убрать ваш критерий абстрактности, то вся иерархия рассыплется, а если в качестве критерия выдвинуть увеличение немотивированности знаков (о чём настаивал Соссюр), то вашу иерархию придётся перевернуть.

– Если хотите – попробуйте перевернуть. И, кстати, «немотивированность знаков» это другое обозначение для их абстрактности.

– На любом уровне иерархии имеются исключения, а вы их обходите стороной. Проблема абстракции зависит от языковой изопрённости, а сущность референтности не обязательно должна наследоваться по принципу естественных знаковых систем (например, высказывание «Пегас существует» является интенциональным референтом без соотнесения с онтологической действительностью). Если говорить о философии знаковых систем, то она не должна строиться на практике преподавания конкретных языков, а призвана включать в себя то, что бросает вызов всему семиотическому. Современный уровень философии настолько искущён, что тексты Поля Рикёра, который для вас оказался туманным, далеко не сложный: имеются более сложные тексты, чья

семиотическая структура размыта между несколькими уровнями в вашей классификации. Вы попадаете в ловушку методики преподавания языка (или семиотики): как будто можно обойтись одной методикой, а на богатстве языка сэкономить?.. Также крайне спекулятивным мне кажется отнесение к формальной логике, которая в отношении языковой системы имеет минимальное применение, а именно для тех примеров силлогизмов, которыми пользовался Аристотель и современные преподаватели логики. Отечественный логик Александр Зиновьев хорошо сформулировал это, указав на то, что законы формальной логики являются законами функционирования соответствующих знаков (дизъюнкция, конъюнкция и т. д.), но не являются универсальными законами. Языковое многообразие настолько очевидно, что логики, осознав это, ринулись создавать неформальные логики, число которых огромно.

– На здоровье.

– Вы утверждаете, что «любой знак в любой системе имеет словесный эквивалент и может быть объяснён в языковых терминах». Однако огромное количество знаков в самом языке, а также в других системах, не имеют словесного выражения. Эту проблемную область я обозначаю антиязыком. В процентном соотношении на язык приходится около 10% словесных эквивалентов, а на антиязык – 90%.

– Приведите мне пример любого знака из любой системы, который не мог бы быть объяснён с помощью языкового инструментария. Тогда я с вами соглашусь. Вся ваша «философская критика» в этом случае – пустой фейерверк.

– Пожалуйста, например, полное словесное выражение в языке числового значения трансцендентного числа пи, а также всех иррациональных чисел.

– Число пи есть математическая константа, равная отношению длины окружности к длине её диаметра. Вот вам словесное объяснение математического знака пи. Им невозможно пользоваться для вычислений длины окружности, но смысл и содержание числа пи оно объясняет. Не имеет никакого значения,

что число пи невозможно вычислить до абсолютного предела. Мы достаточно эффективно используем его в известных пределах, так же как используем в известных пределах ряд натуральных чисел, который тоже не имеет конца. Ещё раз: словесными объяснениями невозможно вычислять, иначе не нужна была бы математика и другие формализованные схемы. Но с помощью языка понимается суть этих схем, так как они не могут быть поняты сами по себе.

– Есть ли у общей семиотики собственный метаязык или она пользуется средствами языковой системы с элементами её метаязыка?

– Общая семиотика не имеет над собой метаязыка. Она сама – метаязык для любой частной семиотики. Я составил терминологические словари (русский и английский) для её терминов. Словари эти всё время пополняются. В настоящее время в каждом из них около 150 терминов (см.: [6], [7], [8]).

Библиография:

1. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. Пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. – М., 1994.
2. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. М., 2003.
3. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. – М., 2008.
4. Соломоник А. Б. Переосмысление лотмановского понятия «семиосфера» (http://nounivers.narod.ru/pub/as_semi.htm).
5. Нилогов А. С. Философия антиязыка. – СПб., 2013.
6. <http://it-claim.ru/Persons/Solomonick/SolomonickAbraham.htm>.
7. Соломоник А. Б. Язык как знаковая система. 2-е изд. – М., 2010.
8. Соломоник А. Б. Философия знаковых систем и язык. 3-е изд. – М., 2011
9. Нилогов А.С. Антиязыковая номинация больших чисел (В начале было Число, и Число было у Бога, и Число было Бог) // Филология: научные исследования. – 2013. – 3. – С. 266 – 274. DOI: 10.7256/2305-6177.2013.3.9645.
10. Нилогов А.С. Психология и философия антиязыка (на материале монографии И. А. Бесковой «Природа сновидений») // Психология и Психотехника. – 2015. – 6. – С. 588 – 601. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.6.15111.
11. Нилогов А.С. Антиязык как ясновидение в бессловесной коммуникации Д. Г. Беннета // Психология и Психотехника. – 2015. – 1. – С. 92 – 103. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.1.13737.

References (transliterated):

1. Levi-Stross K. Pervobytnoe myshlenie. Per., vstup. st. i prim. A. B. Ostrovskogo. – M., 1994.
2. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsii: Per. s angl. / T. Kun; Sost. V. Yu. Kuznetsov. M., 2003.
3. Riker P. Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenevtike / Per. s fr., vstup. st. i komment. I. S. Vdovinoi. – M., 2008.
4. Solomonik A. B. Pereosmyslenie lotmanovskogo ponyatiya «semiosfera» (http://nounivers.narod.ru/pub/as_semi.htm).
5. Nilogov A. S. Filosofiya antiyazyka. – SPb., 2013.
6. Solomonik A. B. Yazyk kak znakovaya sistema. 2-e izd. – M., 2010.
7. Solomonik A. B. Filosofiya znakovykh sistem i yazyk. 3-e izd. – M., 2011
8. Nilogov A.S. Antiyazykovaya nominatsiya bol'shikh chisel (V nachale bylo Chislo, i Chislo bylo u Boga, i Chislo bylo Bog) // Filologiya: nauchnye issledovaniya. – 2013. – 3. – С. 266 – 274. DOI: 10.7256/2305-6177.2013.3.9645.
9. Nilogov A.S. Psikhologiya i filosofiya antiyazyka (na materiale monografii I. A. Beskovoi «Priroda snovidenii») // Psikhologiya i Psikhotehnika. – 2015. – 6. – С. 588 – 601. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.6.15111.
10. Nilogov A.S. Antiyazyk kak yasnovidenie v besslovesnoi kommunikatsii D. G. Benneta // Psikhologiya i Psikhotehnika. – 2015. – 1. – С. 92 – 103. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.1.13737.